

ФРАНЦИЯ, ВЕЛИКОБРИТАНИЯ И РУССКИЕ ЭМИГРАНТЫ (1916–1917)

С конца 80-х гг. XX в. изучение истории российской эмиграции становится одним из ведущих направлений в российской исторической науке. В Москве и Петербурге, Владивостоке и Томске, Екатеринбурге, других университетских центрах созданы и успешно функционируют группы, объединяющие десятки исследователей. Отечественная историография проблемы насчитывает сотни монографий и статей.¹ Практически ежегодно проводятся всероссийские и международные семинары и конференции, на которых обсуждаются актуальные проблемы складывания и развития Русского зарубежья.² Многочисленные сайты всемирной паутины — Интернета — предоставляют возможность миллионной аудитории своих пользователей не просто познакомиться с уникальными документами и материалами, но и включиться в дискуссию с ведущими учеными-историками, социологами, философами.³

Отдавая должное достижениям отечественной историографии последних лет, отметим, что большая часть работ, посвященных истории российской эмиграции, хронологически связана с 1917-м и последующими годами. Во многом это дань традиции: в российской историографии, равно как и в зарубежной, отсчет эмиграционных потоков («волн», как это принято именовать) ведется с октября 1917 г.

Подобный подход вряд ли можно считать оправданным. Политическая, религиозная, трудовая эмиграция россиян существовала задолго до революционных событий 1917 г., на что справедливо указывали участники международного семинара «Русская эмиграция до 1917 г. — лаборатория либеральной и революционной мысли» (Петербург, 1995). Несомненно, она не была настолько массовой, как в послереволюционный период. Тем не менее, по самым скромным подсчетам, только в 1913 г. из России в европейские страны и США выехало более 290 тыс. человек.⁴ Большая их часть обосновалась во Франции, Германии, Италии, США. В числе европейских стран, принимавших российских эмигрантов, была и Великобритания.

По своим масштабам русская эмиграция в Великобританию не может сравниться с такими признанными центрами, как Париж и Берлин. Однако здесь у нее были не менее, а, вполне вероятно, и более глубокие корни, чем в других европейских странах. В Великобританию стремилась оппозиционная к правительству российская интеллигенция, как политическая, так и культурная. Через Англию шел поток выезжавших из России духоборов и других инакомыслящих. Только в Лондоне накануне и в период Первой мировой войны имелись представительства около десятка фракций русских революционеров, крупнейшими из которых были анархистская и большевистская. Здесь же находили прибежище и представители либеральной русской антимонархической оппозиции. По неполным подсчетам, накануне Первой мировой войны в Великобритании находились более 300 политических эмигрантов из России.⁵ Что касается общей численности русских эмигрантов, то к 1917 г. она едва ли превышала 2,5 тыс. человек. Статистика русской эмиграции в Великобритании проводилась хаотично, об их количестве существуют самые различные сведения. Не случайно позднее, в 1922 г., В. Лебедев в

статье «Мысли о русской эмиграции» отмечал: «Рекорд малочисленности русской эмиграции побит самой богатой и могущественной страной Европы — Англией».⁶ К. Д. Набоков выделял две части, из которых состояла русская колония в Великобритании: правительственных чиновников и политических эмигрантов. Первая группа была немногочисленна и концентрировалась в Лондоне. Она насчитывала около 500 человек и в целом была настроена промонархически. Вторая группа была значительно многочисленнее, и в ней преобладали «эмигранты, нашедшие в Англии убежище от „охранки”». Численность этой группы, отмечал русский дипломат, определить было довольно сложно в силу отсутствия концентрации и «изоляции посольства и колонии».⁷

Отвечая на вопрос, почему русские оппозиционеры, диссиденты, революционеры выбирали Англию в качестве убежища и страны, где они могли отстаивать свои взгляды, можно выделить несколько причин. Прежде всего, влияние русской оппозиционной интеллигенции попадало на благодатную почву: здесь в левых кругах существовал определенный интерес к революционной борьбе в России, к попыткам русских изменить государственный строй. Правые круги также поддерживали борьбу либеральной русской интеллигенции с самодержавием. Одни делали это из уважения к абстрактно понимаемой демократии, другие из страха перед стремительно экономически крепнущей страной с непонятными жизненными ценностями, третьи в силу неосведомленности о том, что на самом деле происходило в России в эти годы.

События Первой мировой войны если не сблизили англичан и русских, то раскрыли необходимость более тесных человеческих связей и взаимопонимания. В начале войны Россия оказалась в апогее популярности. Ее солдаты на полях сражений воспринимались как «братья по оружию». Официальные сферы, в особенности военные, активно поддерживали просьбы российской стороны, предоставляя финансовую помощь, оружие, боеприпасы и снаряжение. Симпатии к России ярко проявлялись во всех слоях общества: издавались книги о России, образовывались англо-русские общества культурного сближения, в нескольких университетах на частные пожертвования открылись кафедры русского языка.⁸ К. Д. Набоков подчеркивал: «Не будет преувеличением сказать, что за первые два года войны на пути культурного сближения с Россией Англия пошла гораздо дальше, нежели Франция за 25 лет своего с нами союза. ... Тот патриотический подъем, который вызвала в России война, тот героизм, с которым шли на верную смерть несметные русские солдаты, показал англичанам “подлинный лик” России».⁹

После свержения самодержавия, по справедливому замечанию исследователя,¹⁰ Россия воспринималась в Великобритании как страна, покончившая не только с репрессивным режимом, но и с определенной экспансионистской традицией. Палата общин официально поздравила россиян с обретенной свободой и выразила надежду на продолжение совместной борьбы против «цитадели деспотичного милитаризма», угрожающей европейской свободе.¹¹ В это же время качественно изменилась роль Великобритании в судьбах русских эмигрантов, оказавшихся отрезанными от своей исторической Родины.

Отметим, что в период Первой мировой войны традиционные представления об эмиграции претерпели значительные изменения. Накануне войны, как обычно, тысячи граждан Российской империи выехали в Европу на отдых, лечение, на заработки, по служебным делам. С началом военных действий все они стали частью русской

эмиграции. К ним вряд ли применимо традиционное определение «эмигрант».¹² Законопослушные граждане, они в силу чрезвычайных обстоятельств оказались вдали от своих семей, были ограничены в средствах и лишены возможности возвращения в Россию традиционными (континентальными) путями. Скорее их можно назвать «случайными» апатридами — лишенными отечества, лишенными родины. Каждый из них по-своему должен был решать проблему репатриации. Уже в августе 1914 г. в МИД России, Великобритании, Франции и Швейцарии был направлен запрос Временного комитета помощи нуждающимся русским в Лозанне, в котором правительствам названных стран предлагалось проявить сочувствие к нуждам оказавшихся на чужбине граждан России и выработать меры, направленные на скорейшее их возвращение на Родину.¹³ В запросе, в частности, сообщалось, что Комитет берет на себя предоставление пособий для лиц, возвращающихся в Россию, и просит правительства указанных стран определить возможные пути и способы перемещения репатриантов. 22 ноября 1914 г. посол Франции в России М. Палеолог в телеграмме, адресованной председателю правительства и министру иностранных дел Франции, сообщал, что он и английский посол Дж. Бьюкенен имели беседу с министром иностранных дел России. В ходе беседы С. Д. Сазонов также обратил внимание на необходимость выработки процедуры репатриации русских эмигрантов из европейских стран.¹⁴ Обсуждалась возможность использования военно-транспортных кораблей Франции и Великобритании для указанных целей. В качестве возможного транспортного маршрута предлагалось использовать незамерзающие порты Швеции, Норвегии и порт Архангельска в России. Южный маршрут (через Средиземное море, Индийский и Тихий океан к порту Владивостока) не предлагался.

Судя по переписке МИД Франции и Великобритании, французская сторона считала предпочтительным вариант доставки русских репатриантов кораблями береговой патрульной военно-морской службы Франции в ближайшие порты Великобритании с последующим использованием ее военно-морских транспортов.¹⁵

Как представляется, французское правительство руководствовалось при этом не меркантильными соображениями, а учетом возможностей военно-морских сил собственного государства и Великобритании.

К октябрю 1914 г. принципиальное согласие между заинтересованными сторонами было достигнуто и с этого времени российские эмигранты получили возможность возвращения на Родину из континентальной Европы через островную Англию, Норвегию, Швецию и Финляндию.¹⁶ Документальные подтверждения фактов пересечения русскими эмигрантами сухопутной шведско-финской границы относятся к 20-м числам октября 1914 г.¹⁷ Канцелярия генерал-губернатора Великого княжества Финляндского и в дальнейшем получала информацию пограничников о фактах пересечения границы подданными Российской империи. По нашим подсчетам, в течение осени 1914—лета 1916 г. более 2000 русских эмигрантов вернулись на родину.

Правительство Великобритании не афишировало эту сторону своей деятельности. В определенной степени данный факт можно объяснить опасением привлечь внимание противника и обострить и без того сложную ситуацию на Северном море.¹⁸ В силу той же причины практиковалось изменение маршрутов движения транспортов, доставлявших российских репатриантов из Франции в Великобританию: из Гавра и Марселя транспорты направлялись в Портсмут, из порта Кале в Дувр, из Булони в Ньюкастл.

До осени 1916 г. правительство Великобритании не возражало против свободного перемещения репатриантов по территории государства. Русским эмигрантам предоставлялось право в случае необходимости получить вид на жительство, устроиться на работу, поправив тем самым свое материальное положение. К этому времени, по воспоминаниям К. Д. Набокова, русских граждан можно было встретить более чем в сотне крупных и мелких городов Великобритании.¹⁹ Свое новое место в английской жизни нашли русские деловые люди, инженеры, врачи, юристы, люди искусства.

Прибывающие в Великобританию русские эмигранты могли рассчитывать на содействие Русского правительственного комитета в Лондоне (основан в 1913 г., с 1915 по 1918 г. его председателем был генерал-лейтенант, инженер-металлург Эдуард Карлович Гермониус). Российское посольство до 1917 г. в работе комитета участие практически не принимало.²⁰

Весьма плодотворной была деятельность Комитета помощи русским военнопленным, созданного по инициативе английских либеральных политиков. Председателем Исполнительного комитета являлся лорд Дарби, вице-председателем — сэр Луис Маллет. Лорд Ровельстон исполнял обязанности казначея комитета. Россияне были представлены в комитете женой русского посла графиней Бенкендорф и профессором П. Г. Виноградовым. Последний считался почетным секретарем комитета. Графиню же доброжелательно именовали его «идейным руководителем». В. Д. Набоков, анализируя деятельность комитета, отмечал, что он существовал на английские средства, поддерживался разнообразными английскими учреждениями и лицами. Представители комитета выезжали с благотворительными миссиями в 12 лагерей для военнопленных нижних чинов, в 12 лагерей для военнопленных офицеров, в 4 лагеря для гражданских лиц.²¹

К 1916 г. для отъезжающих в Россию эмигрантов основными центрами становятся Эдинбург и Абердин. Портовые города Шотландии кратчайшим путем через Северное море связывали Великобританию с норвежскими и шведскими портами.

В июне 1916 г. МИД Великобритании через МИД Франции уведомил Парижский комитет по отправке эмигрантов в Россию, Центральный комитет помощи российским гражданам в Швейцарии, другие заинтересованные организации о том, что впредь начальным пунктом для российских репатриантов будет французский порт Кале, откуда «при первой возможности» корабли будут направлены в английские порты и затем, также «при первой возможности», к берегам Скандинавии.²² Однако никаких ограничений на перемещение репатриантов по территории Великобритании данное уведомление не содержало.

Ситуация стала иной с осени 1916 г. В октябре-ноябре качественно изменился состав репатриантов. Наряду с гражданскими лицами в Эдинбург все чаще перемещались военнослужащие из состава Русского экспедиционного корпуса, получившие в ходе боев тяжелые ранения или увечья и признанные негодными к дальнейшему нахождению в армии. Отчасти для того, чтобы не травмировать местное население видом изувеченных войной людей, правительство Великобритании приняло решение ограничить с ноября 1916 г. места возможного пребывания репатриантов. Французский МИД был поставлен в известность, что впредь русские эмигранты могут делать промежуточные остановки лишь в двух городах: Эдинбурге и Глазго. Французскую сторону просили сообщить всем заинтересованным русским организациям, обеспечивающим репатриацию своих соотечественников, что, учитывая экономическую и политическую ситуацию,

правительство его королевского величества ограничит выдачу видов на жительство и предпримет все необходимые меры к скорейшему возвращению российских граждан в Отечество.²³

Можно предположить, что изменение правительственной позиции в отношении русских эмигрантов в немалой степени было обусловлено известиями, поступавшими в Великобританию как из России, так и из европейских стран, прежде всего из Франции. К осени 1916 г. обстановка на российско-германском фронте резко обострилась: неудача Брусиловского прорыва, стремительное продвижение противника вглубь российской территории породили всплеск антицарских и антиправительственных настроений. Прогрессирующий развал русской армии вынуждал британских политиков предпринять шаги, направленные на защиту прежде всего собственных интересов. Правительства лорда Г. Асквита, а затем и Дж. Ллойд-Джорджа предприняли ряд мер, направленных на ограничение деятельности русской политической эмиграции с ее антицарскими и, все чаще, антивоенными настроениями. По дипломатическим каналам европейские союзники Великобритании получили «просьбу» ограничить возможность репатриации политических противников самодержавия, равно как и пацифистов.²⁴

С другой стороны, из официальных источников становится известно о неблагоприятном положении дел в 1-й и 3-й бригадах Русского экспедиционного корпуса, расквартированного во Франции. Уже в октябре–ноябре 1916 г. информаторы сообщали о случаях нарушения воинской дисциплины, выражавшихся в отказе соблюдать форму одежды, неукоснительно выполнять приказы непосредственных командиров. Цитировался приказ № 7 от 22 октября 1916 г. по 3-й Особой бригаде, в котором отмечалось: «Люди начинают распускаться. Кивают головой, отвечая на приветствие, ходят расстегнувшись, поднимают воротник, а когда идет дождь, имеют несчастный, непотребный вид». Указывали на факты проявления «национальной слабости»: неумении ограничить себя в употреблении спиртных напитков. Подобные явления имели место и в 1-й Особой бригаде, о чем свидетельствовал приказ № 224 от 23 ноября 1916 г. Все чаще сообщалось о фактах проникновения в армейскую среду представителей революционной эмиграции, способствующей «разложению подразделений».²⁵ Британское правительство не без оснований опасалось, что русские солдаты-репатрианты, поселившись на английской территории, могут оказать определенное разлагающее воздействие на английскую армию. Ограничив возможность перемещения репатриантов, правительство тем самым предпринимало превентивные меры.

В декабре 1916 — январе 1917 г. репатриация русских эмигрантов из Великобритании в Россию практически приостановилась. В ответ на запросы заинтересованных русских организаций МИД Великобритании сообщал о наличии ряда объективных причин, препятствующих отправке судов из Эдинбурга и Абердина: тяжелая ледовая обстановка, активизация деятельности неприятельского флота, и т. д. К. Д. Набоков замечал по этому поводу: «Немцы были, разумеется, прекрасно осведомлены о том, какого сорта пассажиры переходят Северное море под конвоем английских миноносцев, и пароходы эти редко, весьма редко подвергались опасности».²⁶

Резкое снижение потока возвращающихся на родину эмигрантов констатировала и Канцелярия генерал-губернатора Великого княжества Финляндского: за два месяца зарегистрированы лишь 24 человека, прибывших в Финляндию через Швецию из Великобритании.²⁷ Среди прибывших эмигрантов отсутствовали гражданские лица.

Можно предположить, что власти Великобритании ограничили выезд из страны гражданских лиц из опасения увеличить число противников самодержавия и войны внутри России.

Февральские события 1917 г. породили две новые проблемы, в решении которых Великобритании предстояло сыграть не последнюю роль. Первая из них была связана с возвращением на Родину русских политических эмигрантов. Вторая — с судьбой солдат и офицеров Русского экспедиционного корпуса.

Известие о начале новой российской революции достигло британских берегов 15–17 марта 1917 г. В эти дни британская печать со ссылкой на информационные агентства сообщила о волнениях в Петрограде и отречении Николая II от престола. Русская эмиграция откликнулась на историческое событие незамедлительно. В Лондоне, Манчестере, Ливерпуле, Эдинбурге, Глазго, других городах силами различных русских политических групп были организованы собрания, в работе которых активное участие приняли и английские социалисты. Информация об этих собраниях была опубликована практически во всех британских газетах. Печать констатировала, что основными лозунгами, звучавшими на собраниях, стали здравицы в честь победившей революции и призывы немедленно отправиться в Россию на помощь единомышленникам. Подобная реакция наблюдалась и в других европейских странах.

Уже с 17 марта повсеместно создаются инициативные группы, призванные добиваться возвращения русских политических эмигрантов на Родину. Соответствующие ходатайства направлялись в континентальной Европе в МИД Франции и отдельно в МИД Великобритании.²⁸ Суть ходатайств сводилась к следующему: русская политическая эмиграция просила правительства Франции и Великобритании незамедлительно решить вопрос о выделении необходимых транспортов для их возвращения на родину. Показательно, что ряд ходатайств подписан совместно представителями различных политических течений: большевиками, меньшевиками, анархистами, эсерами и др. С каждым новым днем число подобных документов возрастало, однако позитивного ответа не последовало. На некоторых из документов красным либо синим карандашом была сделана пометка без подписи: «Отказать ввиду отсутствия возможностей и гарантий безопасности».

Принимая обязательство доставить революционно настроенную часть политической эмиграции в Россию, правительства Франции и Великобритании подвергали себя определенному риску. Вероятность гибели репатриантов была, как свидетельствует практика предшествующих полутора лет, сравнительно невелика, но она существовала. С другой стороны, правительства двух стран прекрасно понимали, что в Россию возвращались не просто противники монархии, но и те, кто реально был способен вывести страну из войны, заключив с Германией сепаратный мир. Подобного развития событий вряд ли ожидали власти предрежащие как во Франции, так и в Великобритании, стремившиеся любыми мерами добиться от Временного правительства гарантий продолжения участия России в войне. Известное решение означенной проблемы (возвращение политических эмигрантов в так называемых пломбированных вагонах через территорию Германии в Россию) оказалось выгодным как Франции, так и Великобритании. Русская политическая эмиграция была дискредитирована из-за «преступной связи с общим врагом».

Показательно, что и в дальнейшем политическим эмигрантам отказывали в праве пересечь Северное море на английских кораблях. К. Д. Набоков по этому поводу замечал,

что в Лондоне вели борьбу с эмигрантскими комитетами в Париже, Риме и Берне. Они стремились сбывать в Лондон возможно большее количество возвращавшихся, полагая, что, если Англия откажет, эмигранты повторят путь Ленина — через Германию.²⁹ В правительственных кругах Франции, Италии, Великобритании считали, что в эмигрантских комиссиях преобладали большевики, которые усиленно «проталкивали» в Россию «членов своей партии», чьи пацифистские настроения были известны. Да и в российском посольстве были уверены, что большевики в эмигрантских комиссиях «контролировали все денежные средства» и нередко выдавали «своим» заведомо большие суммы, чем прочим.³⁰

Указанные причины отказа правительства Великобритании в репатриации политических эмигрантов «обычным путем» во многом надуманны и политизированы. Эти же причины не помешали позднее вернуться в Россию Г. В. Плеханову с семьей (в апреле 1917 г. он возвращался в Россию на одном корабле с французским министром-социалистом А. Тома), Л. Д. Троцкому, ряду других активных участников российской революции.

Маршрут возвращавшихся на родину через Великобританию русских эмигрантов детально описан другом и сподвижником П. А. Кропоткина С. П. Тюриным и в письмах самого Петра Алексеевича: «П. А. Кропоткин заранее перебрался на мою квартиру в Лондоне и уехал оттуда, незаметно, вместе со мной, на Север Англии, в Абердин, к месту стоянки парохода. Весь багаж П. А. Кропоткина был адресован на мое имя; в отеле, в Абердине, мы были прописаны с согласия полиции: „Профессор Тюрин с семьей“. Таким образом, П. А. Кропоткин превратился в проф. Тюрина, а я в его сына».³¹ 5 июня Кропоткин писал: «Мы уже недалеко от берегов Норвегии. Под вечер надеемся войти в более тихие воды. Море было сравнительно спокойное, но все-таки покачивает. <...> Публика на пароходе интересная и очень разнообразная. Вчера вечером (еще в порту) в передней части парохода пели хором всякие песни, очень недурно и мы перешли туда, а потом болтали обо всем. Сегодня утром опять шли беседы — конечно, о России и о войне. Мнения очень пестрые. Много интересных людей. Время идет незаметно. Качает, но милостиво. Только к утреннему чаю на столы накладывали перегородки для посуды. ... Обсуждаем, как ехать дальше. По всей вероятности, отдохнем в Бергене».³²

В письме из Стокгольма от 9 июня новые подробности: «...едем прекрасно. Не забывайте, что не писал из Бергена и Христиании. Просто ни минуты не было свободной. Встречи, приемы, столько ласки от норвежцев и от русских Комитетов. Русские консулы в Бергене и Христиании просто с ног сбились, принимая всюду возвращающихся эмигрантов.

В отелях нет мест, и при всем добром желании, далеко не всем удастся найти кровати. Спят на полу по двое, на матрасе, а консулы платят по 10 крон за такой матрас. Здесь нас посетил и Замещающий Русского Посланника. Разговоров интересных тьма. И в поездах, и на остановках, и в городах. В Стокгольме масса русских. Интервьюеры норвежских, шведских и русских газет. <...> С нами едет очень много русских — очень милые люди. Вы знаете их. Вчера в одном месте, в Норвегии, был перерыв дороги. Приходилось забрать свой ручной багаж и нести его, около четверти версты. Иду, тащу шубу и т. д. Вдруг навстречу четыре сестры Красного Креста. — “Кропоткины” <...> Наши сестры с фронта, из Минска и Киева. Милые, дорогие, умницы. Чуть не разревелся,

как дитя. И так рад я этой первой встрече. Они живут там в горном воздухе. Норвегия предложила это русскому и немецкому правительствам. Немецкие сиделки приедут, когда наши милые сестры уедут. Сегодня приехали в 9 ч., уезжаем в 6. Ехали из Христиании и поедем в спальном вагоне».³³

В письме от 10 июня П. А. Кропоткин сообщал: «Вот и в России мы, по крайней мере в Финляндии. Выехали вчера рано утром, но задержали нас там целых 12 часов. Из багажа, сданного в Бергене, ничего не получили. Все застряло, включая наши три вализы. Застряло где-то в Швеции. Б. оставил в Хапаранде Чупахина, чтобы занялся разыскиванием вещей. Из Торнео выбрались только в 7 вечера. В Христиании мы ночевали так же, как в Бергене, а в Стокгольме остановились только от 7 ч. утра до 4-х ч. после обеда. <...> В Торнео ужасно милые солдаты и офицеры. Солдаты пожелали поговорить со мной. <...> Я говорил не речь, а беседовал. <...> В Улеборге мы были уже ночью, но белая, или вернее розовая ночь. Депутация от финских рабочих с цветами: в Стокгольме розы, здесь, на дальнем, грустном севере тюльпаны, красивые — прелесть и более 100 солдат и офицеров и музыка (Марсельеза, а не *Deutsch uber Alles*). <...> До Петрограда, очевидно, доберемся не раньше 11 часов вечера, или позже, так что я пишу Вам теперь, иначе Бог знает, когда еще успеешь».³⁴

Вероятно, как никто другой, П. А. Кропоткин смог в одном из своих писем передать чувство искренней благодарности одного из русских изгнанников к приютившей их стране. 4 июня 1917 г. он писал одному из английских редакторов: «Разрешите просить Вас уделить мне на страницах Вашей газеты место для моего прощального слова Британскому народу и выражения моей сердечной благодарности за то дружеское отношение, которое я находил в Вашей стране с момента, когда я впервые вступил на берег Англии в 1876 г., как совершенно неизвестный иностранец, и до последних дней, когда я оставляю здесь так много своих личных друзей.

Их трогательная дружба сделала так много для облегчения всей горести долгого изгнания, и я глубоко сожалею о том, что не имею возможности выразить им лично моей благодарности; а организовывать прощальные собрания в настоящий момент было бы неуместно.

Я тем более сожалею об этом, ибо я хотел бы выразить мою благодарность не только за то теплое отношение, которое я и моя семья нашли в Англии, но также и за те чувства симпатии, которые были проявлены по отношению к России, и в особенности Новой России, со стороны значительной части английского народа и их политических вождей...

Другим показателем симпатий, проявившихся здесь по отношению к освободительному движению в России, являются те бесчисленные поздравительные письма по поводу русской революции и выражения надежд полного успеха, которые были недавно получены мною, как одним из старейших русских политических эмигрантов».³⁵

Показательно, что после возвращения в Россию через Германию группы русских политических эмигрантов, в составе которой был и В. И. Ленин, Временное правительство «вспомнило» о судьбе тех, кто все еще находился вне Родины. Союзники были поставлены в известность, что транзитом через Северное море могут воспользоваться «эмигранты без различия политических партий».³⁶

Что касается судьбы солдат и офицеров Русского экспедиционного корпуса, то вопрос об их возвращении на родину в значительной степени оказался нерешенным из-за

бездеятельности Временного правительства. В нашу задачу не входит анализ морального и политического состояния более чем 30-тысячного контингента Русского экспедиционного корпуса после свержения самодержавия. Известно, что уже к концу апреля 1917 г. русские солдаты выдвигали требования немедленного прекращения их участия в войне на французском фронте и отправки в Россию. Эти требования стали основными лозунгами первомайских демонстраций русских солдат. Однако услышаны они не были. Временное правительство находилось далеко и, по-видимому, не тяготилось судьбой заграничных войск. С июля 1917 г. французское правительство вступило в долгие переговоры с Временным правительством по поводу отправки частей экспедиционного корпуса в Россию через Великобританию. Судя по всему, правительство этой страны было готово к подобному развитию событий. Однако и к осени 1917 г. Временное правительство так и не предприняло реальных шагов, направленных на решение проблемы «новых апатридов».³⁷

Российская революция 1917 г. внесла радикальные изменения в русско-английские политические отношения. Свержение самодержавия привело к появлению в составе русской колонии в Великобритании некоторых членов царской семьи и лиц из ее ближайшего окружения, представителей известных русских фамилий. В этой среде было немало защитников монархии и именно вокруг них начали формироваться новые монархические кружки и партии. После октябрьских событий в России состав русской колонии в Великобритании пополнился противниками большевизма и советской власти. Среди знаковых фигур отметим П. Н. Милюкова, А. Ф. Керенского, П. Н. Игнатьева, М. И. Терещенко, П. Л. Барка (бывший министр финансов) и др. Известно, что к концу 1917 г. численность русских эмигрантов в Великобритании значительно возросла. Изменился и их состав. Однако это предмет уже другого исследования.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: *Бочарова З. С.* Судьбы российской эмиграции: 1917–1930-е годы. Уфа, 1998. 122 с.; *Вандаловская М. Г.* Историческая наука российской эмиграции: «Евразийский соблазн». М., 1997. 349 с.; *Кабузан В. М.* Эмиграция и реэмиграция в России в XVIII — начале XX века. М., 1998. 270 с.; *Назаров М. В.* Миссия русской эмиграции. 2-е изд., испр. М., 1994. Т. 1. 415 с.; *Пронин А. А.* Историография российской эмиграции. Екатеринбург, 2000. 188 с.; Эмиграция и репатриация в России. М., 2001. 49 с.; *Березина Т. А.* Русские в Финляндии: (Некоторые культурно-исторические аспекты) // Русские в современном мире. М., 1998. С. 331–347; *Бортневский В. Г.* Материалы по истории русской эмиграции в США // Новый часовой. 1998. № 6–7. С. 227–232; *Квакин А. В.* Россия–интеллигенция–

эмиграция: (О соотношении амбивалентности русского архетипа и российской эмиграционной системы) // Некоторые современные вопросы анализа российской интеллигенции. Иваново, 1997. С. 93–113; *Латин Б.* Миссия русской эмиграции // Звезда. 1992. № 7. С. 93–114; *Михайлов О. Н.* Миссия русской эмиграции // Дворян. Собр. Assembles de la noblesse. М., 1994. № 1. С. 233–241; *Морозан В. В.* Из истории русской экономической эмиграции конца XIX — начала XX в. // Новый часовой. 1996. № 4. С. 23–34; *Назаров М. В.* Эмиграция и война // Русский рубеж. М., 1991. № 10. С. 18–22; *Пивовар Е. И.* Российское зарубежье XIX — первой половины XX в.: Некоторые итоги изучения проблемы // Исторические записки. М., 2000. № 3 (121). С. 237–253; и др.

² См.: История российского зарубежья: Проблемы адаптации мигрантов в XIX–XX вв. / Редкол.: Поляков Ю. А. (отв. ред.) и др. М., 1996. 174 с.; Источники по истории адаптации российских эмигрантов в XIX–XX вв. / Под ред. Ю. А. Полякова, Г. Я. Тарле М., 1997. 191 с.; Русская эмиграция до 1917 года — лаборатория либеральной и революционной мысли: Сб. статей. СПб., 1997. 242 с.; Зарубежная Россия. 1917–1939 гг.: Сб. статей. СПб., 2000. Кн. 1; СПб., 2003. Кн. 2; Зарубежная Россия. 1917–1945: Сб. статей. СПб., 2004. Кн. 3; и др.

³ См.: *Корнилов А. А.* Серверы крупнейших организаций русской эмиграции в США // Международные отношения в XXI веке: Новые действующие лица, институты и процессы. М.; Н. Новгород, 2001. С. 96–108; *Маркедонов С. В.* Русское зарубежье в виртуальном пространстве. Сайт www.zarub.db.irex.ru // Библиография. 2001. № 6 (317). С. 129–132; *Попов А. В.* 1) Интернет для исследователей русского зарубежья // Вестник архивиста. 2001. № 4–5 (64–65). С. 206–218; 2) Русское зарубежье в Интернете // История белой Сибири: Тез. IV науч. конф. Кемерово, 2001. С. 251–257; и др.

⁴ См.: *Морозан В. В.* Из истории русской экономической эмиграции конца XIX — начала XX в. С. 27.

⁵ См.: *Волков В. С.* К вопросу о численности русской политической эмиграции (1905–1917 гг.) // Россия и современный мир. М., 1993. Вып. 2. С. 136.

⁶ См.: Воля России. Прага, 1922. № 2. С. 37.

⁷ *Набоков К. Д.* Испытания дипломата. Стокгольм, 1921. С. 61–62.

⁸ Там же. С. 36–37.

⁹ Там же. С. 37–38.

¹⁰ *Vellacott Jo.* Bertrand Russell and the Pacifists in the First World War. Brighton, 1980. P. 152.

¹¹ Ibid.

¹² Толковые словари дают следующие определения этого понятия: 1) *эмигранты* — лица, добровольно или вынужденно покинувшие страну, гражданами которой они являются, и поселившиеся в какой-либо другой стране; 2) *эмигрант* — лицо, выселившееся из своей страны в другую по тем или иным причинам (экономическим, политическим, религиозным и др.).

¹³ Здесь и далее будут использованы материалы Дипломатического архива МИД Франции (AD MAE France), f. Guerre 1914–1918, Dossiers général, d. 42. Запрос Временного комитета помощи... от 27 августа 1914 г. Пагинация в этом и ряде других дел отсутствует.

¹⁴ Там же. Телеграмма М. Палеолога от 22 ноября 1914 г.

¹⁵ AD MAE France, f. Guerre 1914–1918 (Russie, Interets Français, Dossier General), d. 778. Телеграммы МИД Франции и МИД Великобритании от 17 марта 1915 г., 23 июля 1915 г., 12 февраля 1916 г., 7 марта 1916 г. и др.

¹⁶ Подобный маршрут описывает и современник. См.: *Набоков В. Д.* Из воюющей Англии: Путевые очерки. Пг., 1916. С. 88.

¹⁷ Национальный архив Финляндии, Хельсинки (Kansallisarkisto), f. ККК, Hd 48, d. 3 — Сводка канцелярии от 25 октября 1914 г.

¹⁸ См.: *Тарас А. Е.* Первая мировая война на море. Харвест, 2001.

¹⁹ См.: *Набоков К. Д.* Испытания дипломата. С. 80–81; Подтверждение данному факту приводится и в ст.: *Казнина О. А.* Русские в Англии: Из переписки Е. В. Саблина // Россия в США: Сб. статей. М., 2001.

²⁰ По признанию посла России в Великобритании графа А. Бенкендорфа, посольство в это время «выполняло исключительно свои дипломатические задачи». См.: *Набоков В. Д.* Из воюющей Англии. С. 97.

²¹ Там же. С. 107–114.

²² AD MAE France, f. Guerre 1914–1918 (Russie, Interets Français, Dossier General), d. 776. Телеграмма МИД Великобритании от 9 июня 1916 г.

²³ Ibid. Телеграмма от 16 октября 1916 г.

²⁴ Ibid. Телеграмма от 14 декабря 1916 г.

²⁵ Ibid. d. 678. P. 19, 22–24 и др. Секретные телеграммы в Министерство обороны и МИД о положении русских солдат во Франции.

²⁶ *Набоков К. Д.* Испытания дипломата. С. 91.

²⁷ Kansallisarkisto, f. ККК, Hd 48, d. 3. Сводка канцелярии от 19 февраля 1917 г.

²⁸ См.: *Набоков К. Д.* Испытания дипломата. С. 81–87.

²⁹ Там же. С. 85.

³⁰ Там же. С. 85–86.

³¹ На чужой стороне. Берлин; Прага, 1924. № 4. С. 216–217.

³² Там же. С. 221.

³³ Там же. С. 221–222.

³⁴ Там же. С. 223.

³⁵ Там же. С. 217–218.

³⁶ *Набоков К. Д.* Испытания дипломата. С. 86–87, 92.

³⁷ Подробнее об этом см.: *Remi A.* Histoire des soldats russes en France, 1915–1920. Paris, 1996.

В. И. Мусаев

«КРАСНЫЙ ТЫЛ РЕВОЛЮЦИИ»: ФИНЛЯНДИЯ И РУССКОЕ РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ В НАЧАЛЕ XX в.

Финляндия сыграла особую роль в развитии российского революционного движения. В 1905–1907 гг. ее называли «красным тылом революции». Такая характеристика, которая принадлежит перу одного из активных участников революционного движения В. М. Смирнова,¹ вполне справедлива: действительно, не только в годы первой русской революции, но и на протяжении всего периода конца XIX — начала XX в. территория Великого княжества Финляндского служила базой для русских революционных групп социал-демократического и (в меньшей степени) народнического направления. Здесь революционеры скрывались от преследований на территории коронной России, здесь же они проводили свои совещания и конференции, издавали нелегальную литературу, хранили оружие и занимались другими видами деятельности в относительной безопасности, чувствуя себя гораздо более вольготно, чем в собственно России. Активность русских революционеров в Финляндии развивалась зачастую при явном попустительстве местных властей: должностные лица Великого княжества не только сквозь пальцы смотрели на их деятельность, но подчас даже оказывали им содействие, скрывая от русских полицейских и жандармских властей информацию о нахождении и деятельности революционеров на финской территории или предупреждая последних о грозившей им опасности.

Такое парадоксальное на первый взгляд положение было связано с усилением недовольства политикой имперского правительства и ростом сепаратистских настроений в Финляндии. Финляндские власти ревниво относились к попыткам русской полиции пресекать активность революционных групп на территории Великого княжества, усматривая в этом вмешательство в пределы своей компетенции, и фактически саботировали усилия российских органов правопорядка по борьбе с противниками режима на территории Великого княжества. В одной из сводок о положении в Финляндии отмечалось: «Начальствующие лица полиции своим вызывающим поведением только разжигают страсти среди населения и поощряют всяким тайным организациям в крае. При подобном положении не только все враждебные империи лица и организации в Финляндии не обнаруживаются полицией, но, наоборот, все они с ее стороны встречают самую энергичную и деятельную поддержку. Поэтому здесь революционные организации и свили себе надежные гнезда и, устроившись, действуют на всю империю».² Попустительство по